

Цзян Шоуянь устал идти. Он потянул за молнию пуховика, застёгнутую до самого подбородка, медленно присел на корточки, а потом и вовсе плюхнулся прямо в снег. Сегодня на нём был длинный пуховик из водоотталкивающей ткани, так что можно было не бояться промокнуть.

Чэн Цзайе, выдыхая облачко пара, уселся рядом с ним. Цзян Шоуянь смотрел на реку перед ними: она была длинной и молчаливо извивалась среди бескрайнего заснеженного леса. Большая её часть была скована льдом, незамёрзшим оставался лишь небольшой участок. Витающий над ним белый пар оседал на пожухлой траве и ветвях, превращаясь в тончайшие кристаллики льда.

Цзян Шоуянь толкнул Чэн Цзайе в бок и спросил:

— Почему этот участок не замёрз? А в других местах лёд крепкий? Мы же не провалимся, если на него наступим?

— Под той частью, где не замёрзло, на дне, скорее всего, есть геотермальные источники. — Чэн Цзайе зачерпнул горсть снега, смял его в руках, слепил сердечко и протянул Цзян Шоуяню. Возможно, чем холоднее на улице, тем медленнее соображает голова: Цзян Шоуянь, опустив голову, долго смотрел на это сердечко, бережно держа его в ладонях. Чэн Цзайе потянул его за капюшон, прикрывая торчащие уши:

— Эй, ты так серьёзно его разглядываешь, что мне уже кажется, будто я слепил его слишком маленьким.

Цзян Шоуянь отложил сердечко в сторону и сказал:

— Подожди, я сейчас слеплю тебе большое.

— Так не пойдёт, — Чэн Цзайе попытался перехватить обе его руки. — Твоё не должно быть больше моего.

Цзян Шоуянь с трудом высвободил левую руку, быстро зачерпнул снег с земли и одной рукой начал лепить. Увидев это, Чэн Цзайе тоже не захотел уступать и тоже сгрёб снег. Так они и возились, перетягивая друг друга и периодически пытаясь как-то помешать сопернику.

Чэн Цзайе ловко заблокировал тянущуюся к нему руку Цзян Шоуяня со словами: «Ты сам напросился», слегка задрал ему рукава и одной рукой перехватил оба его запястья. Цзян Шоуянь немного устал от этой возни. Он для вида дёрнулся пару раз, но, не сумев освободиться, так и остался неподвижно лежать на плече Чэн Цзайе. Тот всё ещё усердно лепил снежок, как вдруг почувствовал, что по краю его шарфа скользнуло горячее влажное дыхание, а затем медленно поднялось вверх — от подбородка к уголкам губ. Он уже собрался повернуть голову, как вдруг это дыхание сместилось, обдало жаром ухо, и тихий голос прошептал:

— Ты сделал мне больно.

Чэн Цзайе знал, с какой силой держал, и не повёлся. Тогда Цзян Шоуянь потерся щекой о его волосы, в которых застряли упавшие в лесу снежинки. От холода Цзян Шоуянь тихонько ойкнул. Чэн Цзайе не рассчитал силу и случайно отломил уголок у почти готового сердечка. Заметив это, Цзян Шоуянь глухо рассмеялся. Чэн Цзайе обхватил его за талию и, откинувшись назад, повалил его вместе с собой в снег.

Цзян Шоуянь, вздрогнув от падения, оказался лежащим на груди Чэн Цзайе. Боясь, что волосы того промокнут от снега, он попытался накинуть на него капюшон пуховика, но его руки всё ещё были зажаты. Он дёрнулся, пытаясь освободиться. Чэн Цзайе обхватил его талию ещё крепче и приподнял, пока их глаза не встретились.

Цзян Шоуянь, опираясь локтями на грудь Чэн Цзайе, услышал, как тот сказал:

— Цзян Шоуянь, ты — плохой человек.

Глядя в эти прекрасные глаза цвета янтаря, Цзян Шоуянь неспешно спросил:

— И чем же я плох?

Глаза Чэн Цзайе, отражавших снежный свет, стали глубже и загадочнее. Он, словно капризная, пожаловался:

— Ты сломал моё сердечко. Тебе не нужна моя любовь.

— Нужна, — с улыбкой ответил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе посмотрел на него и спокойно спросил:

— Правда?

На мгновение Цзян Шоуяню показалось, что его видят насквозь. Он проделал такой долгий путь в этот холодный край вовсе не из-за страха, что Чэн Цзайе будет с ним скучно. Он убегал.

Снова пошёл снег, пушистые хлопья медленно кружились в воздухе. Одна снежинка упала на ресницы Чэн Цзайе, он пару раз моргнул, и тут же другая приземлилась прямо на его губы. Чэн Цзайе только собрался её слизать, как Цзян Шоуянь наклонился и, захватив снежинку губами, поцеловал его. Снег был холодным, но губы и язык — горячими. В обжигающем дыхании и сплетении губ снег растаял, превратившись в воду.

Освободив руки, Цзян Шоуянь первым делом потянулся за капюшоном Чэн Цзайе. Тот просто сел, а Цзян Шоуянь, держась за его плечи, сел на него верхом и, протянув руку, стряхнул снег с его затылка.

— Волосы намокли? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе ничего не ответил, а лишь снова потянулся за поцелуем. Снег густо валил, оседая на их волосах и плечах белой пеленой, они почти слились с заснеженной землёй.

У Чэн Цзайе были длинные, загнутые ресницы, на которых быстро образовывался иней. Он моргнул, и холодная капля скатилась на щеку Цзян Шоуяня. Тот глухо охнул от холода, и Чэн Цзайе немного отстранился. Цзян Шоуянь открыл глаза, в которых стояла влажная дымка. Он немного посмотрел на Чэн Цзайе и произнёс:

— Если я скажу, что хочу побегать по льду в такой сильный снегопад, ты сочтёшь меня странным?

— Когда идёт такой сильный снег, самое время веселиться, — ответил Чэн Цзайе. — В машине есть запасная одежда, если промокнешь — переоденешься.

Мысли Цзян Шоуяня, казалось, замёрзли вместе с этим снегопадом. Он упорно хотел услышать от Чэн Цзайе слово «нет». Будто этот отказ позволил бы ему снова спрятаться в свою раковину и временно скрыться от всего мира.

— А если я скажу, что хочу пойти собирать мусор? — спросил он.

— Хм... — задумался Чэн Цзайе. — Тогда я найду два пакета побольше.

— И это тебе не покажется странным?

— Некоторые вещи кажутся странными, когда делаешь их в одиночку, — ответил Чэн Цзайе, — но когда вы вдвоём, это просто весело.

Цзян Шоуянь потерял дар речи. Спустя мгновение он опустил глаза и начал обнажать свои истинные чувства:

— Вообще-то, я немного виню себя.

Чэн Цзайе стряхнул снег с одежды и спросил:

— Почему?

— До этого ты всегда брал меня с собой развлечься, — сказал Цзян Шоуянь. — Я думал, раз уж ты приехал сюда, то я тоже должен устроить тебе интересную поездку.

Глаза Цзян Шоуяня слегка покраснели, он смотрел на Чэн Цзайе и продолжал:

— Я хотел хорошо позаботиться о тебе, но в последнее время моя голова совсем не соображает, я не смог составить нормальный план, и в итоге даже машину арендовал ты.

— Ничего страшного, — сказал Чэн Цзайе. — Обязательно наступит день, когда я буду спать на пассажирском сиденье, а ты повезёшь меня развлекаться. У нас ведь впереди ещё так много времени, правда? Не нужно переживать из-за того, как всё складывается прямо сейчас.

Цзян Шоуянь моргнул. Он сидел напряжённо, с прямой спиной, и молчал. Чэн Цзайе поцеловал его в замёрзшую щёку и сказал:

— Расслабься, Цзян Шоуянь, я поддержу тебя. Ты мне веришь?

Цзян Шоуянь долго молчал, прежде чем кивнуть:

— Верю.

Чэн Цзайе снова улыбнулся и спросил:

— Ну что, всё ещё хочешь побегать по льду?

Цзян Шоуянь поднял на него взгляд, и тогда Чэн Цзайе, придерживая его, помог ему встать. Только что прошёл снег, и замёрзшая поверхность реки словно покрылась слоем серебряной пыли.

— Лёд достаточно толстый? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе шагнул вперёд:

— Сейчас проверим.

Цзян Шоуянь не успел его удержать: Чэн Цзайе несколько раз топнул по льду. Трещин не появилось. Он поднял голову, протянул руку Цзян Шоуяню и сказал:

— Иди сюда.

Лёд был очень скользким, и бегать по нему Цзян Шоуянь не мог, но Чэн Цзайе, держа его за руку, начал кружить его на месте. Цзян Шоуяню оставалось только сосредоточиться на ногах. Подошвы ботинок скользили по заснеженному льду с характерным скрипом. Среди бескрайней белизны у Цзян Шоуяня слегка закружилась голова. Смеясь, он начал оседать вниз. Чэн Цзайе подхватил его, они вместе сели на лёд, а потом и вовсе легли на него.

Снег всё шёл, небо было затянуто серой дымкой, в мире царило чувство всеобъемлющего и непостижимого покоя. Цзян Шоуянь наблюдал за падающими снежинками, которые вскоре тонким слоем покрыли его одежду. Он перевёл взгляд на далёкие деревья с корявыми ветвями, укутанными в белый снег, и сказал:

— Хочу, чтобы меня засыпало снегом.

— Это было бы неплохо, — сказал Чэн Цзайе, зачерпнул пару горстей снега и подкинул его над собой. — А когда придёт весна и снег растает, появишься совершенно новый ты.

Цзян Шоуянь на мгновение замер, а потом вдруг рассмеялся. Смеясь, он почувствовал, как в уголках глаз собираются слезы. И неожиданно спросил:

— Кольцо моей мамы... оно всё ещё у тебя?

Чэн Цзайе ответил: «Угу», даже не повернув к нему головы:

— У меня. Хочешь забрать?

— Ты, наверное, уже понял, что это не обычное кольцо, — Цзян Шоуянь сделал паузу и добавил: — Оно досталось мне от матери.

Хотя Чэн Цзайе и поддерживал связь с Ци Чжоу, тот не рассказал ему ничего, кроме того, что касалось состояния самого Цзян Шоуяня. Поэтому Чэн Цзайе мог только догадываться об

остальном, ничего не зная наверняка.

— Я знаю, поэтому бережно его храню, — сказал Чэн Цзайе. И ещё раз спросил: — Отдать его прямо сейчас?

Цзян Шоуянь слегка отвернулся в сторону и ответил:

— Сейчас не хочу.

У него пока не было смелости встретиться с этим лицом к лицу. Казалось, было действительно слишком холодно: его голос стал немного хриплым от мороза.

— Храни его пока у себя.

— Хорошо, — согласился Чэн Цзайе.

Прошло много времени. Так много, что снегопад начал стихать. Только тогда, глядя в небо, он произнёс:

— Пора возвращаться.